

НЕРЫНОЧНЫЕ ФАКТОРЫ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Екатерина Дмитриевна Слободенюк

преподаватель кафедры социально-экономических систем и социальной политики, НИУ ВШЭ, Москва, электронная почта: eslobodenyuk@hse.ru

Статья посвящена проблеме бедности в России и характеристике особенностей российских бедных в зависимости от теоретико-методологических подходов к анализу бедности. Эмпирической базой исследования выступили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения России за 2005–2011 гг. В статье рассматриваются нерыночные факторы бедности, увеличивающие вероятность попадания человека в число бедных в современной России, в частности размер домохозяйств, их состав, тип местности, в которой проживают бедные, иждивенческая нагрузка, гендерные риски. Кроме того, ставится вопрос о том, насколько современная социальная политика способна снизить эти риски и каковы возможные пути ее совершенствования.

Ключевые слова: бедность, депривация, лишения, социальная политика

Бедность является одной из ключевых проблем российского общества. Однако оценки масштабов бедности сильно разнятся и составляют от 13,1% (оценки Росстата¹) до 53% населения по оценкам отдельных ученых [Овчарова, 2011]². В этих условиях не удивительно, что проблема бедности продолжает

¹ Та часть населения, которая обладает среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума (см.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <http://fsgs.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>).

² Совокупная доля тех, кто попал в ряды бедных в рамках хотя бы одного из подходов, в соответствии с которыми в науке принято выделять бедных. Расчеты по данным выборочного обследования «Кризис и поведение домашних хозяйств», выборка – 3000 домохозяйств, 2010 г.

оставаться в фокусе публичного внимания. Не прекращаются дискуссии по проблематике бедности и в научном сообществе, в частности обсуждается методология расчета прожиточного минимума, обсуждаются новые концепции борьбы с бедностью и оптимальные формы помощи бедным, дебатировается вопрос о том, в какой форме должна предоставляться поддержка бедным слоям населения – в денежной или натуральной, адресной она должна быть или категориальной. Такое внимание к этой проблеме объясняется в первую очередь тем, что, несмотря на значительные средства, затрачиваемые на помощь бедным, качественного улучшения ситуации с бедностью в стране в последние годы не происходит – в отличие от ситуации, характерной для середины 2000-х гг. Численность бедных перестала сокращаться, растет «детская» и «хроническая» бедность и т.п. Все это ставит вопрос о причинах недостаточной эффективности государственной социальной политики в этой области.

Как представляется, неэффективность социальной политики во многом обусловлена тем, что вплоть до сегодняшнего дня бедность понимается российским государством только как экономическая проблема, и в разряд бедных попадают только те, чей среднедушевой доход оказывается меньше прожиточного минимума, установленного в регионе проживания человека. Однако бедность является намного более сложным социальным явлением, нежели просто нехватка экономических ресурсов, и это было уже неоднократно показано на протяжении последних десятилетий исследователями всего мира, в первую очередь западными [Townsend, 2010; Абрахамсон, 2001].

Основные методологические подходы к выделению бедных и оценка численности бедных в России

Динамику развития концепции феномена бедности в социологии можно представить в виде конкуренции двух основных подходов к осмыслению этого феномена и методологии ее измерения. Первая из этих концепций выражается в рассмотрении бедности как ограниченности ресурсов в силу нехватки денежных средств. Такое восприятие бедности свойственно обществам, находящимся на относительно более низкой ступени развития, и в большей степени характерно сейчас для экономического подхода к бедности. Бедными при таком подходе считаются все те, чьи доходы меньше прожиточного минимума. Этот подход к определению бедности, называемый «абсолютным», продержался как однозначно господствующий сравнительно долгое время – приблизительно до 80-х гг. XX в. Однако любой теоретический подход остается главенствующим лишь до тех пор, пока не начинает заметно расходиться с реалиями социальной жизни, которые он берется объяснить.

Это расхождение стало особенно заметно во второй половине XX в., и основоположником нового теоретического подхода к осмыслению бедности – «депривационного» – стал английский ученый П. Таунсенд. Суть данного подхода заключается в соотнесении положения бедных не с показателями дохода,

позволяющего удовлетворять минимально необходимый спектр потребностей человека (грань физического выживания), а с возможностью поддержать принятый в обществе как минимально допустимый социальный стандарт жизни, при котором человек не выпадает из сообщества. Следуя этой логике, бедность – это не просто нехватка денежных средств, а сложная, интегральная характеристика положения индивида, отражающая всю его жизнь в обществе и влияющая на всю совокупность его ролей и статусов, причем зависящая от совокупности всех видов располагаемых социальных ресурсов и передающаяся другим поколениям посредством процесса социализации. Таунсенду удалось разработать методологию формирования системы индексов и показателей, с помощью которых столь сложное и многогранное явление, как бедность – депривация [Townsend, 2010], стало возможно оценить математически, а значит, подвергнуть эмпирическому изучению.

Это новое теоретическое понимание бедности вызвало широкий резонанс в научном сообществе в целом. Огромный интерес вызвала теория Таунзенда и у социологов, что отразилось в их многочисленных попытках совершенствовать его методологию. Так, британские ученые Дж. Мэк и С. Лэнсли [Mack, Lansley, 1985] предложили как способ определения ключевых видов депривации опрос населения о том, что можно считать признаками минимально приемлемого уровня жизни, граничащего с бедностью, в каких предметах первой необходимости в первую очередь нуждаются представители бедных слоев и пр. По тому же пути пошел и Московский центр Карнеги (рук. исследования – Л.Н. Овчарова), апробировавший описанный выше подход в России. В числе российских специалистов, развивавших применительно к условиям нашей страны идеи Таунзенда, можно назвать также Н. Тихонову, Н. Чернину, Н. Давыдову и многих других.

Итак, согласно исследованиям зарубежных социологов, можно выделить два разных типа бедных: 1) тех, чьи доходы оказываются ниже установленного государством прожиточного минимума (абсолютный подход к бедности) и 2) тех, кто испытывает лишения, не позволяющие поддерживать считающийся минимально приемлемым в данном обществе образ жизни (депривационный подход к бедности).

Как показывают исследования российских ученых [Можина и др., 1998; Тихонова, Слободенюк, 2011; Овчарова, 2011; Карабчук, Соболева, Пашинова, 2013], все эти типы бедности существуют и в России. Несколько опережая дальнейшее изложение, сразу отметим – указанные группы бедных в России практически не пересекаются между собой. Это означает, что в современном российском обществе существуют люди, испытывающие недостаток денежных средств, но все же поддерживающие общепринятый образ жизни, в то время как другие, которые, по оценкам государства, бедными не являются, в реальности не могут из-за недостаточности своих ресурсов поддерживать образ жизни, рассматриваемый как минимально приемлемый большинством членов данного общества. Это заставляет рассматривать

и сравнивать между собой группы бедных, выделенные в соответствии с разными методологическими традициями.

Важная роль в возникновении ситуации бедности принадлежит таким неэкономическим факторам, как состав домохозяйств (в частности, наличие и число иждивенцев), здоровье их членов, которые в современных обществах в той или иной степени должны компенсироваться методами социальной политики. Именно влиянию этих факторов на риск оказаться в составе различных групп бедных, а следовательно, и косвенной оценке эффективности реализуемой сегодня в России социальной политики и посвящена данная статья. В качестве объекта изучения в ней выступили группы бедных, выделенные в соответствии с двумя основными подходами к бедности, а именно – абсолютным (бедность «по доходам») и депривационным (невозможность поддерживать считающийся в обществе минимально приемлемым, но все же «нормальным» образ жизни, т.е. бедность «по лишениям»).

В рамках первого подхода для выделения бедных была использована методика, близкая к применяемой Федеральной службой государственной статистики России (ФСГС). Подсчет масштабов бедности в соответствии с абсолютным подходом осуществлялся нами через сравнение совокупных доходов домохозяйств разных регионов с совокупным прожиточным минимумом, рассчитанным для каждого домохозяйства в отдельности в каждом из рассматриваемых регионов страны за соответствующий год. Показатель совокупного дохода рассчитывался простым суммированием всех денежных доходов домохозяйства (заработной платы, различного рода трансфертов, помощи со стороны других домохозяйств), полученных за последний месяц перед опросом. Совокупный прожиточный минимум домохозяйства вычислялся посредством сложения прожиточных минимумов, установленных для детей, людей трудоспособного возраста и пенсионеров, в зависимости от состава домохозяйства. Показатели прожиточных минимумов для каждого из регионов страны были взяты с сайта ФСГС России. Масштабы бедности по абсолютному подходу рассчитывались отдельно для каждого региона, и в число бедных попадали домохозяйства, чей совокупный доход оказывался меньше совокупного прожиточного минимума для домохозяйств соответствующего состава.

В рамках второго подхода как бедные рассматривались все те, кто испытывал пять и более видов лишений при удовлетворении базовых потребностей. Показатели лишений были отобраны с учетом предпринятых ранее другими авторами попыток адаптации показателей базовых лишений П. Таузенда к российской действительности [Можина и др., 1998; Тихонова, 2003] и возможностей инструментария исследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) за разные годы. В итоге было выделено 17 видов таких лишений [Слободенюк, Тихонова, 2011]. Часть показателей этих лишений имела характер многомерных индексов, которые были построены на основе нескольких переменных из анкеты

мониторинга, а часть состояла лишь из одной переменной. Однако в любом случае каждый показатель депривации в итоге выступал дихотомической переменной (где 1 выступала сигналом о наличии соответствующего признака у респондента, 0 – о его отсутствии). Таким образом, совокупный индекс депривации мог варьироваться в интервале от 0 до 17 баллов. Определение пограничного значения индекса, позволяющего отделить группу бедных от остального населения, осуществлялось несколькими способами, каждый из которых продемонстрировал, что в качестве такого рода границы должен использоваться порог в пять баллов.

Эмпирической основой для решения поставленных нами задач выступили данные РМЭЗ, часто называемого также RLMS – панельного исследования, проводимого с 1992 г.¹ Для анализа нами отобраны семь баз за 2005–2011 гг.² Соотношение бедного и небедного населения «на входе» и «на выходе» из этого периода выглядит следующим образом (см. рис.).

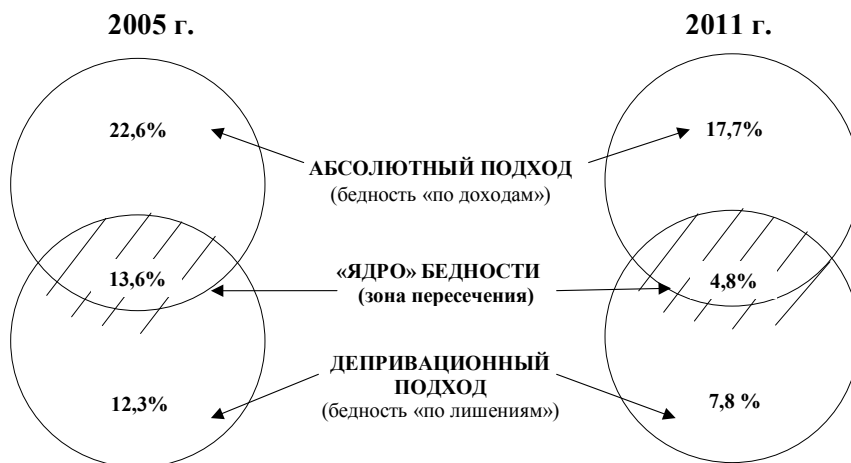

Рис. Численность бедных в России, выделенных в соответствии с обоими подходами к бедности, % от всех респондентов РМЭЗ за соответствующий год

Как видим, динамика численности групп бедных, выделенных на основе абсолютного и депривационного подходов, показывает схожие тенденции: обе группы бедных уменьшились в размере к 2011 г. Причем уменьшение это пришлось фактически на 2005–2008 гг. При этом доля бедных «по доходу»

¹ Более подробно об этом исследовании и его выборке см.: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // <http://www.hse.ru/rhms/>

² Для расчетов использовались репрезентативные выборки РМЭЗ. Ошибка выборки для общих процентных распределений, согласно оценкам проводящей данное исследование группы, не превышала 3 на 95% в доверительном интервале.

уменьшилась в 1,3 раза, что сходно с тенденцией, прослеживающейся по данным Росстата (по которым число бедных сократилось в 1,4 раза¹, и тоже в основном за счет положительной динамики в предкризисный период). Что же касается доли бедных, выделенных на основе испытываемых лишений, то она сократилась еще больше – практически в 1,6 раз. Тем не менее масштабы бедности в России таковы, что в 2011 г. фактически 22,5% населения страны согласно данным РМЭЗ попадали в ряды бедных в соответствии с абсолютным подходом, а 12,6% – согласно депривационному подходу². Всего же доля бедных, выделенных по разным подходам, в общей выборке РМЭЗ в 2011 г. составляла около трети населения (30,3%), что заметно больше, чем официальные данные ФСГС РФ за этот период. Это может объясняться либо некоторым смещением в наименее обеспеченные слои выборки РМЭЗ, либо занижением доли бедных в силу особенностей используемой ФСГС РФ методики их выделения, либо, что, на наш взгляд, наиболее вероятно, совокупным действием обоих факторов.

При этом важно подчеркнуть, что почти 80% бедных, выделенных по абсолютному подходу, и около 62% бедных, выделенных по депривационному подходу, в течение рассматриваемого временного промежутка оказывались непересекающимися подмножествами³, а зона пересечений групп бедных, выделенных с помощью этих подходов, сократилась за период наблюдений почти втрое. Это больше, чем сокращение числа бедных, выделенных в рамках каждого из них в отдельности, т.е. *эти группы все больше расходятся между собой*. Это очень важный в методологическом отношении вывод, означающий, что *абсолютный подход и депривационный подход к бедности в современной России – во многом вследствие разной концептуализации в них самого феномена бедности – описывают разных людей* (см. табл. 1).

Бедность «по лишениям» представлена в большей степени малыми домохозяйствами из городской местности, с наименьшей долей молодых мужчин и наибольшей долей немолодых женщин. Бедные же «по доходам» чаще представлены большими семьями в сельской местности, и в их составе максимальна доля детей и молодежи (о «детском лице» российской бедности говорят и другие исследователи [Бурдяк, 2007; Осколкова, 2012; Овчарова, 2008; 2009; Ovcharova, 2007]).

¹ По данным с официального сайта Федеральной службы государственной статистики // <http://fsgs.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/>

² Зона пересечения двух полученных групп составила 6,7% населения России.

³ Данные, полученные из таблиц сопряженности, проверялись с помощью анализа скорректированных остатков (adjusted residuals). Значение adjusted residuals в использованных в статье данных позволяло сделать вывод о значимости полученных результатов с вероятностью 5%, т.е. $p < 0,05$.

Таблица 1

Сравнительная таблица основных характеристик групп бедных, выделенных в соответствии с различными подходами к бедности

Характеристики	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	«Ядро» бедности	Справочно: Небедное население
<i>Использованные при выделении группы бедных характеристики</i>				
Среднедушевые доходы	Среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума	Среднедушевые доходы выше прожиточного минимума	Среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума	Среднедушевые доходы выше прожиточного минимума
Претерпеваемые лишения в реализации базовых потребностей	Испытывают мало лишений	Испытывают много лишений	Испытывают много лишений	Испытывают мало лишений
<i>Выделенные при анализе особенности группы</i>				
Преимущественный тип местности проживания	В равной мере села и города, доля жителей сельской местности растет	Города	Села	Города
Размер домохозяйства (по медиане)	4 человека	2 человека	4 человека	3 человека
Возрастная структура	Уклон в молодую возраст	Уклон в предпенсионный/пенсионный возраст	Уклон в средние возрастные когорты	Все возрастные когорты в равной степени
Тип брачности	Типичен зарегистрированный брак	Типичен зарегистрированный брак	Типичен зарегистрированный брак, но максимальна доля незарегистрированных браков	Типичен зарегистрированный брак максимальна доля зарегистрированных браков

Таблица 2
Динамика занятости и иждивенческой нагрузки в различных группах населения, 2005–2011 гг., %

Бедные	Доля работающих трудоспособных в составех групп, %	Иждивенческая нагрузка (на одного работающего приходится), чел.						Всего трудоспособных не работающих
		Детей	Трудоспособных без инвалидности	Всего лиц, не имеющих собственной заработка	Пенсионеров	Инвалидов	Всего	
Бедные «по доходам», 2005 г.	36,28	0,88	0,55	1,43	0,28	0,05	1,76	
Бедные «по доходам», 2011 г.	35,21	0,98	0,60	1,57	0,22	0,04	1,84	
Бедные «по лишениям», 2005 г.	32,23	0,25	0,49	0,73	1,32	0,05	2,10	
Бедные «по лишениям», 2011 г.	37,16	0,22	0,39	0,61	0,98	0,10	1,69	
«Ядро», бедности, 2005 г.	33,55	0,52	0,90	1,42	0,50	0,07	1,98	
«Ядро», бедности, 2011 г.	38,84	0,41	0,86	1,27	0,23	0,08	1,57	
Небедное население, 2005 г.	41,70	0,40	0,25	0,65	0,70	0,04	1,40	
Небедное население, 2011 г.	43,53	0,42	0,22	0,64	0,62	0,04	1,30	

Иждивенческая нагрузка, здоровье и риски бедности

Рассмотрим, учитывая состав домохозяйств бедных «по доходам», вопрос о роли иждивенческой нагрузки как фактора бедности. Судя по всему, само по себе наличие неработающих членов семьи является сегодня в российских домохозяйствах нормой, однако степень иждивенческой нагрузки¹ в различных группах при этом не просто разная – она различается практически вдвое (см. табл. 2). Кроме того, три выделенные группы бедных демонстрируют существенно различающиеся картины с точки зрения структуры иждивенческой нагрузки и доли занятых. Как видно из табл. 2, доля работающих, находящихся в трудоспособном возрасте, среди небедного населения самая высокая и превышает 40% группы. Представители групп бедного населения демонстрируют меньшую экономическую активность, хотя стоит отметить, что среди «ядра» бедных и бедных «по лишениям» за рассматриваемый период повысилась доля занятых, в отличие от бедных «по доходам», где она сократилась. Однако, несмотря на эти слабовыраженные тенденции, в целом доля занятых в 2011 г. в рассматриваемых группах бедных и в небедном населении отличается мало. Качественные различия начинают проследиваться при детальном рассмотрении незанятых в этих группах. Так, в бедности «по доходам» иждивенцами выступают несовершеннолетние дети и неработающие трудоспособного возраста, не имеющие на то видимых причин (в группе практически нет инвалидов трудоспособного возраста). Если убрать из рассмотрения пенсионеров, так как с формальной точки зрения их трудно считать иждивенцами в силу наличия у них собственного дохода в виде пенсий, то мы увидим, что показатель иждивенческой нагрузки в группе бедных «по доходу» равен практически 1,6 и самый высокий среди всех рассматриваемых групп.

Особенность «ядра» бедности заключается в том, что, как и в группе бедных «по доходу», иждивенческая нагрузка здесь достаточно велика (1,3), но в данном случае практика осознанного отказа от работы выражена еще ярче – почти 2/3 иждивенцев здесь здоровые люди трудоспособного возраста. Причем, если в случае с бедными «по доходу» высокие показатели незанятости трудоспособных можно было хоть как-то оправдать большой долей детей в их составе, то в случае с «ядром» бедности об этом говорить не приходится. Очень сильно от двух рассмотренных групп отличается группа бедных «по лишениям», где иждивенческая нагрузка практически вдвое ниже (0,6), что совпадает с показателем у небедного населения, причем львиную долю незанятых в данном случае составляют пенсионеры. Это еще раз подчеркивает особый характер данной группы.

Неработающие пенсионеры также включались нами в число иждивенцев. Иждивенческая нагрузка может быть связана с плохим здоровьем кого-то

¹ Среднее количество иждивенцев, приходящееся на одного работающего члена семьи, находящегося в трудоспособном возрасте, плюс к нему самому. Неработающие пенсионеры также включались нами в число иждивенцев.

из членов семьи и необходимостью ухода за ним, поэтому коротко остановимся и на вопросе здоровья представителей различных групп бедных (см. табл. 3).

Таблица 3

Субъективная оценка своего здоровья и наличие инвалидности у представителей разных групп российского общества в 2011 г.¹, %

<i>Характеристики здоровья</i>	<i>Бедные «по доходам»</i>	<i>Бедные «по лишениям»</i>	<i>«Ядро» бедности</i>	<i>Небедное население</i>
Оценка своего здоровья как плохого и очень плохого	5,9	23,7	13,6	12,9
Присвоена группа по инвалидности, в том числе:	3,4	14,7	5,0	9,7
I группа	13,8	11,4	10,3	11,9
II группа	49,4	56,8	46,2	59,5
III группа	36,8	31,9	43,6	28,6

Как видно из табл. 3, состояние здоровья бедных самое плохое среди всего населения: среди них каждый пятый оценивает свое здоровье как «плохое» или «очень плохое». Кроме того, представители этой группы чаще, чем представители других групп, обладают той или иной группой инвалидности, причем в 70% случаев это пенсионеры. Напомним, несмотря на это, именно в данной группе бедных иждивенческая нагрузка минимальна. Доля людей с инвалидностью в «ядре» бедности ниже среднего значения по выборке. И хотя такая ситуация отчасти объясняется тем, что практика оформления инвалидности по различным причинам в ней не укоренена (сложность получения инвалидности для проживающих в сельской местности, функциональная неграмотность), тем не менее понятно, что негативные тенденции с занятостью у членов этой группы, о которых шла речь выше, объясняются прежде всего отнюдь не проблемами со здоровьем у ее членов. Это еще одно свидетельство того, что различные группы бедных кардинально отличаются друг от друга по сложившемуся образу жизни. Группе бедных «по лишениям» все чаще свойственна активная экономическая позиция, что в совокупности с малой долей детей в ее составе приводит к существенно меньшей иждивенческой нагрузке, однако, впрочем, и это не способно вывести ее членов в силу упоминавшихся выше факторов (стоимость жизни по месту проживания, плохое здоровье) из состоя-

¹ В первых двух строках за 100% принимается общее количество членов каждой из групп.

ния депривации. Среди бедных «по доходу» иждивенческая нагрузка во многом обусловлена высокой долей детей в их составе (практически треть группы), что может влиять на добровольный отказ от работы в целях ухода за детьми и приводить к дополнительному росту иждивенческой нагрузки. В «ядре» бедности мы видим процесс люмпенизации – хотя, в отличие от других групп, здесь за 2005–2011 гг. количество пенсионеров и детей сократилось, трудоспособные ее члены все чаще не работают. Подобная ситуация означает, что представителям этой группы приходится существовать не на заработанные деньги, а на какие-то иные средства, поступающие извне, например государственные трансферты. Посмотрим, так ли это?

Роль государственных трансфертов в преодолении рисков бедности

В рамках социальной политики со стороны государства в России предоставляется широкий спектр субсидий, пенсий и иных трансфертов, позволяющих поддержать малоимущие слои населения. Роль этих выплат в преодолении рисков бедности, учитывая значимость соответствующей проблемы, изучена достаточно хорошо [Малева, 2007; Сидорова, 2004; Сурков, 2008; Корчагина, Прокофьева, 2008]. Формы социальной помощи малоимущему населению предусмотрены Федеральным законом «О государственной социальной помощи»¹. Они включают в себя: социальные пособия (предоставление денежных средств на безвозмездной основе из бюджета страны), субсидии (целевая полная или частичная оплата социальных услуг, предоставляемых гражданам), набор бесплатных или льготных социальных услуг (предоставляемый адресно определенным категориям граждан), социальные доплаты к пенсиям, социальные контракты (соглашение между органом социальной защиты и гражданином, по которому первый обязуется оказывать государственную социальную помощь, а второй – реализовывать мероприятия, предусмотренные программами социальной адаптации). Правом на получение государственной социальной помощи обладают, наряду с некоторыми другими категориями, и малоимущие домохозяйства, которые *по независящим от них причинам* имеют среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации.

Социальное пособие по бедности и социальный контракт являются базовыми средствами поддержки населения в рамках борьбы непосредственно с бедностью. Однако пребывание за чертой бедности позволяет получить доступ и к иным видам помощи со стороны государства (целевые формы помощи детям, пенсионерам и пр.). В большинстве случаев размеры государственных

¹ Последняя редакция закона от 25.12.2012 (№ 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной социальной помощи» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139848>).

субсидий, доплат, дотаций и прочих выплат и льгот определяются на уровне субъектов Российской Федерации. Так, например, отдельной сферой социальной политики является помощь детям из бедных семей¹, которая сильно различается по регионам. В Москве, например, она включает не только ежемесячное пособие на ребенка, но и компенсацию части платы за обучение детей в платных общеобразовательных учреждениях, льготный проезд на транспорте, бесплатное двухразовое питание, обеспечение учебниками, бесплатное посещение музеев, выставочных залов, зоопарков, находящихся в ведомстве субъекта Российской Федерации, бесплатное питание и одежду для младенцев. Пенсионеры, чей среднедушевой доход с учетом всех льгот и пособий оказывается ниже величины прожиточного минимума, также обладают правом на социальные доплаты к пенсии и разного рода натуральную помощь и льготы. Таким образом, в России сегодня существует широкий спектр видов государственной помощи малоимущим. Насколько же способна эта помощь улучшить положение бедных, из каких источников складываются совокупные доходы их домохозяйств и какова в них роль государственных трансфертов (см. табл. 4)? Как видно из табл. 4, хотя для всех групп населения более половины их доходов формирует заработная плата членов домохозяйств, вклад остальных источников существенно различается и колеблется от 43,0% в группе бедных «по лишениям» до 32,1% среди небедного населения. Без учета пенсий эти цифры выглядят следующим образом: 20,6% из бюджета приходится на иные, нежели зарплата и пенсии, источники дохода в домохозяйствах бедных «по доходам», 20,0% – бедных «по лишениям», 17,7% – в «ядре» бедности и 14,8% – для остального населения. Как видим, цифры достаточно близки между собой.

Второе, что обращает на себя внимание при анализе данных табл. 4, это то, что социальные выплаты от государства в равной степени распространены среди разных групп населения и для всех них в среднем составляют статистически незначительную величину. Более того, хотя помощь родственников играет в бюджетах бедных домохозяйств гораздо большую роль, чем помощь государства, она также мало различается по анализируемым группам. Эта же тенденция сохраняется, если рассмотреть только социальные пособия, выплачиваемые государством (1,4–0,1% их бюджетов в разных группах). Пожалуй, единственный из всех видов помощи в семье, где прослеживается заметная дифференциация, – это субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг – вклад их в бюджет домохозяйств в «ядре» бедности (0,8%) в четыре раза больше, чем у благополучного населения (0,2%). Однако роль этого источника очень мала и не отменяет главного вывода – помощь бедным со стороны государства не играет в их жизни той роли, которую она призвана играть. Кроме того, адресность этой помощи по-прежнему не соблюдается. Более того, масштабы этой помощи в разы

¹ На примере программ социальной защиты малоимущих в г. Москве. См.: Денежные выплаты, льготы малообеспеченным семьям Москвы. 22.10.2011 // http://www.kszn.ru/socviplat/p2_articleid/4458.

меньше, чем помощь бедным со стороны их родственников. Наконец, стоит отдельно подчеркнуть, что в России практически отсутствует помощь бедным со стороны благотворительных организаций.

Таблица 4

Вклад различных источников в совокупный доход домохозяйств соответствующей группы в 2011 г.¹, %

<i>Источники доходов</i>	<i>Бедные «по доходам»</i>	<i>Бедные «по лишениям»</i>	<i>«Ядро» бедности</i>	<i>Небедное население</i>
Заработная плата	57,9	57,0	60,9	67,9
Пенсии	21,5	23,0	21,4	17,3
Доходы от продажи и сдачи в аренду имущества	1,5	3,2	0,4	4,0
Помощь родственников	4,3	3,8	4,0	3,5
Помощь иных частных лиц и организаций	0,8	0,3	0,8	0,7
Продажа результатов сельскохозяйственной деятельности	3,6	8,6	2,5	2,9
Пособия на детей	5,6	1,0	5,0	0,9
Социальные выплаты от государства	0,6	0,4	0,3	0,5
Субсидии на оплату жилья и оплату топлива	0,8	0,4	0,8	0,2
Стипендии	0,6	0,4	0,5	0,2
Пособия по безработице	0,8	0,4	1,4	0,1
Проценты по вкладам, дивиденды и т.п.	0,0	0,0	0,0	0,1
Прочее	2,0	1,6	1,8	1,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Выводы

Бедность в современной России многолика и гетерогенна. Нет ни одного фактора риска, который жестко predetermined бы попадание в нее, однако, в зависимости от самого понимания сути феномена бедности, можно выделить некие наборы наиболее значимых факторов, не связанных с рынком тру-

¹ В таблице представлены средние значения каждого показателя, в результате чего сумма по столбцу не равняется 100%.

да, которые заметно различаются в разных группах бедных. Так, для пребывания в группе, чьи доходы ниже прожиточного минимума, это проживание в сельской местности в большом домохозяйстве с высокой иждивенческой нагрузкой, прежде всего детьми. Для попадания в число бедных по депривации – это жизнь в крупном городе в малых домохозяйствах с повышенной долей женщин и лиц с плохим здоровьем. В условиях жестко сегментированного городского рынка труда это не позволяет им, несмотря на их экономическую активность, претендовать на эффективную занятость. Наконец «ядро» бедности характеризуется тенденциями люмпенизации (снижение экономической активности, большая доля неработающих трудоспособных, специфика динамики брачности и пр.), что и приводит к его пребыванию не только ниже черты прожиточного минимума, но и одновременно в состоянии множественной (многомерной) депривации. Это свидетельствует о существовании в современной России разных типов бедности, что, в свою очередь, означает, что борьба с бедностью должна вестись разными методами в зависимости от особенностей объекта. При этом достаточно многообразная и масштабная социальная помощь населению пока что практически не сокращает риски бедности и в целом существенно не облегчает их бремя.

Дальнейшее совершенствование социальной политики предполагает уточнение концепции бедности, лежащей в основе методологии выделения и анализа бедных, расширение вариативности помощи бедным, более полный учет при расчете пенсий по инвалидности и распределении натуральных форм помощи специфики расходов людей с хроническими заболеваниями, особенно с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, наиболее жестко ограничивающими эффективную занятость, увеличения размеров детских пособий. Очень важно также устранить недостатки используемой в России для нужд социальной политики и статистики методики выделения бедных. Необходимо включить в эту методику показатели размера и состава домохозяйств. Применение шкал эквивалентности доходов, учитывающих эффект экономии на размере семьи, позволит более адекватно оценивать масштабы бедности в целом по России и более эффективно расходовать выделяемые на борьбу с бедностью средства.

Вторым очень важным направлением совершенствования государственной социальной политики должен стать учет различий в стоимости жизни в разных типах поселений при определении величины прожиточного минимума. В ряды бедных «по доходам», которые и рассматриваются российским государством как бедные, в итоге чаще попадают жители сел с низкими душевыми доходами, хотя эти доходы могут обеспечивать им более высокий уровень жизни, чем большие по размеру доходы – жителям крупных городов.

Все это, в свою очередь, приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств, выделенных для помощи малоимущим, с одной стороны, и сохранению в российском обществе значительного числа действительно бедствующих людей, не имеющих при этом права на помощь со стороны государства, – с другой.

Список источников

- Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 158–166.
- Бурдяк А. Я., Попова Д. О. Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области) // *SPERO*. 2007. № 6. Весна. С. 31–56.
- Карабчук Т. С., Соболева Н. Э., Пашинова Т. Р. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // *Мир России*. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175.
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Региональные программы социальной поддержки многодетных семей: что знает о них население // *SPERO*. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 67–84.
- Малева Т. М. (ред.) *Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х*. М.: НИСЦ, 2007. С. 411–420.
- Можина М. А., Овчарова Л. Н., Попова Р. И., Прокофьева Л. М. и др. *Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению* / под ред. Т. М. Малевой. Моск. центр Карнеги; Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги, 1998.
- Осколкова О. Б. Бедные дети богатой Америки // *Социологические исследования*. 2003. № 2. С. 78–86.
- Овчарова Л. Н. Новая политика поддержки семей с детьми: кардинальный прорыв или первый шаг? // *Мир России*. 2008. № 2. С. 41–68.
- Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт М.: М–Студио, 2009.
- Сидорова В. А. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности // *Социологические исследования*. 2004. № 7. С. 83–94.
- Слободенюк Е. Д., Тихонова Н. Е. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // *Социология*: 4М. 2011. № 33. С. 5–27.
- Сурков С. В. Региональные адресные программы поддержки бедного населения: влияние финансовых и экономических институтов // *SPERO*. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 187–204.
- Тихонова Н. Е. *Феномен городской бедности в современной России*. М.: Летний сад, 2003.
- Mack J., Lansley S. *Poor Britain*. London: George Allen & Unwin Ltd, 1985.
- Ovcharova L., Popova D., Pishnyak A. I. *New Measures Supporting Families with Children: Improving Living Standards and Raising Birthrates? An Analysis of the Maternity and Child Support Measures Introduced in 2007 in the Russian Federation*. М.: UNICEF, 2007.
- Townsend P. The Meaning of Poverty // *The British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. P. 85–102.

Non-Market Factors of Poverty in Modern Russia and Ways to Improve Social Policy

Ekaterina D. Slobodenyuk

Lecturer of Department of Socio-Economic Systems and Social Policy, Higher School of Economics, Moscow, e-mail: eslobodenyuk@hse.ru

The article deals with the issue of poverty in Russia and characterizes specific features of the poor, which vary depending on the theoretical and methodological approaches to poverty. An empirical base of the research is Russian Longitudinal

monitoring survey 2005–2011. The paper tends to cover the issues of poverty, which increase the probability of falling into poverty in modern Russia. The non-economic factors observed are: in particular household size, composition, type of terrain, and home to the poor dependents, gender, risk, etc. The paper also touches upon the issue of how modern social policies can reduce these risks and ways to improve it.

Keywords: poverty, deprivation, social policy

References

- Abrahamson P.* (2001) Sotsialnaya ekskluziya i bednost [Social exclusion and poverty]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], no 2, pp. 158–166.
- Burdiak A., Popova D.* (2007) Prichiny bednosti semej s detmi (po rezultatam obsledovaniya domokhoziaistv Leningradskoj oblasti [The causes of poverty among families with children (by the results of a household survey of Leningrad region)]. *SPERO*, no 6, pp. 31–56.
- Karabchuk T., Soboleva N., Pashinova T.* (2013) Bednost domokhoziaistv v Rossii: chto govoriat dannye RMEZ HSE [Household Poverty in Russia: what RLMS HSE data say]. *Mir Rossii* [The World of Russia], vol. 22, no 1, pp. 155–175.
- Korchagina I., Prokofeva L.* (2008) Regionalnye programmy sotsialnoj podderzhki mnogodetnykh semej: chto znaet o nikh naselenie [The regional programs of large families social support: what people know about them]. *SPERO*, no 9, pp. 67–84.
- Mack J., Lansley S.* (1985) *Poor Britain*, London: George Allen & Unwin Ltd.
- Maleva T.* (ed.) (2007) *Obzor sotsialnoj politiki v Rossii. Nachalo 2000-kh* [Overview of social policy in Russia. Beginning of the 2000s.], Moscow: NISP.
- Mozhina M.A., Ovcharova L.N., Popova R.I., Prokof'eva L.M.* (1998) *Bednost: Alternativnye podkhody k opredeleniyu i izmereniyu* [Poverty: Alternative Approaches to the definition and measurement], Moscow: centr Karnegi.
- Oskolkova O.* (2003) *Bednye deti bogatoj Ameriki* [The poor kids of rich America]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], no 2, pp. 78–86.
- Ovcharova L., Popova D., Pishnyak A.I.* (2007) *New Measures Supporting Families with Children: Improving Living Standards and Raising Birthrates? An Analysis of the Maternity and Child Support Measures Introduced in 2007 in the Russian Federation*, Moscow: UNICEF.
- Ovcharova L.* (2008) *Novaya politika podderzhki semej s detmi: kardinalnyj proryv ili pervyj shag?* [The new support policy for families with children: radical breakthrough or the first step?]. *Mir Rossii* [The World of Russia], no 2, pp. 41–68.
- Ovcharova L.* (2009) *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnia, profilja i faktorov bednosti: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt* [Theoretical and practical approaches to the assessment of the level and profile of poverty factors: the Russian and international experience], Moscow: M-Studio. (in Russian)
- Sidorova V.* (2004) *Vliyanie adresnoj sotsialnoj pomoshchi na izmenenie urovnia, glubiny i ostroty bednosti* [The influence of social assistance to change the level, depth and severity of poverty]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], no 7, pp. 83–94.
- Slobodeniuk E., Tikhonova N.* (2011) *Evristsicheskie vozmozhnosti absolutnogo i otnositelnogo podkhodov k izucheniyu bednosti v rossijskikh usloviyakh* [Heuristic possibilities of absolute and relative approaches to the study of poverty in the Russian conditions]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], no 33, pp. 5–27.
- Surkov S.* (2008) *Regionalnye adresnye programmy podderzhki bednogo naseleniya: vliyanie finansovykh i ekonomicheskikh institutov* [Regional targeted programs to support the poor: the impact of the financial and economic institutions]. *SPERO*, no 9, pp. 187–204.
- Tikhonova N.* (2003) *Fenomen gorodskoj bednosti v sovremennoj Rossii* [The phenomenon of urban poverty in modern Russia], Moscow: Letnij sad. (in Russian)
- Townsend P.* (2010) *The Meaning of Poverty*. *The British Journal of Sociology*, vol. 61, pp. 85–102.